

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ И ПОЗИЦИЯ США

Олег Анатольевич ТИМОФЕЕВ,
кандидат исторических наук,
Амурский государственный уни-
верситет

Современные исследователи выделяют несколько критериев при определении лидерских позиций тех или иных государств.

1. Значительная территория в масштабах региона как плацдарм для эффективного развития государства.
2. Обладание ресурсами (критерий, оценивающий перспективы лидерства во временном измерении, что позволяет определить возможности того или иного ведущего государства удерживать за собой лидерские позиции).
3. Демографический баланс. Государства с небольшим количеством населения имеют меньше экономических возможностей, но в то же время густонаселённые страны тратят средства на поддержку большой группы людей, теряя некоторые ресурсы, которые могли бы пойти на развитие производственных мощностей и экономики.
4. Экономический и военный потенциал.
5. Социальная стабильность. Нестабильное государство не может эффективно проводить в жизнь свои внешнеполитические интересы. Вместе с тем отсутствие острых социальных конфликтов повышает престиж государства на международной арене.
6. Политический авторитет наиболее важен для закрепления за государством лидерских позиций в регионе. Он не существует сам по себе, а складывается из сочетания многих факторов, в частности, экономического развития, военного потенциала и т.д.¹

Вполне очевидно, что в Восточной Азии все перечисленные факторы присущи такому государству, как Китай, который является крупнейшей страной мира по численности населения (1,3 млрд.), третьей — по площади территории (9,6 млн. кв. км), обладает четвёртым ВВП в мире в долларовом исчислении (вторым по расчёту покупательной способности национальной валюты), наиболее мощными в регионе вооружёнными силами. Основным конкурентоспособным ресурсом Китая является огромная масса населения, которое готово трудиться за минимальное вознаграждение. Кроме того, руководству КНР удаётся с успехом сдерживать социальные и этнические конфликты, вполне очевидные в стране с таким пёстрым национальным составом и таким количеством бедного населения.

Что касается политического авторитета на международной арене, то китайское руководство его добивается, прежде всего, мирным, бесконфликтным путём, связанным с активным использованием ресурсов так называемой мягкой силы². Например, один из последних номеров издаваемого в Шанхае авторитетного академического журнала, посвящённого международным отношениям, — «Гоцзи вэньги луньянь» (Форум международных проблем) открывается материалами бывшего и нового директоров Шанхайского института международных исследований (ШИМИ) Юй Синьтяня и Ян Цземьяня, посвящёнными проблеме реализации «мягкой силы» Китая на международной арене.

Профессор Ян Цземьянь полагает, что появление концепции «мягкой силы» свидетельствует о значительном прогрессе в развитии внешнеполитической стратегии КНР по сравнению со сформулированными в 50-е гг. XX в. «пятью принципами мирного сосуществования»: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, равноправие, взаимная выгода и отказ от агрессии как средства решения международных споров, а также стратегия установления разумного и справедливого нового международного экономического и политического порядка, разработанная в 1990-е гг.³

Особенность «мягкой силы» в том, что она, обладая определённой комплементарностью по отношению к жёсткой силе, по мнению Юй Синьтяня, в определённом смысле более эффективна, чем последняя⁴. Основой мягкой силы служит культура и прежде всего её краеугольный камень — представления о ценностях⁵. Во многих развивающихся странах при отсутствии политического давления извне активно изучается опыт Китая, убедительно доказывая, что представления, идеи и принципы (как отражение культурных ценностей) являются не только ресурсом, но и фактором операциональной силы государства.

Заместитель директора департамента планирования МИД КНР Ли Цзе указывает на соединение базовых для традиционной китайской культуры принципов мира (гармонии) и единства как на уникальный китайский ресурс реализации «мягкой силы». Природа подобного соединения, уподобляемого автором соединению твёрдости и мягкости, основывается на идее единства противоположностей, заключённой в формуле взаимопроникновения тёмного (*инь*) и светлого (*ян*) начал. В качестве стержневого концепта мягкой власти Китая можно выделить категорию гармонии, основой которой является идея разнообразия. Следует отметить, что признание разнообразия (*доянсин*) социально-экономических систем различных государств мира и диверсификации (*доюаньхуа*) моделей их политического развития уже с начала 90-х гг. XX в. прочно вошло в число основных принципов, которыми руководствуется КНР на международной арене. Эти принципы первоначально предназначались для того, чтобы вывести идеологию КПК из шокового состояния, которое было связано с крахом социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы, а также со страхом перед приписываемой США концепции «мирной эволюции»

(*хэпин яньбянь*)⁶. Однако в начале XXI в. они же были ещё более успешно использованы в целях ретуширования жёстко прагматического подхода, которым характеризуются отношения Китая с рядом государств — экспортеров сырья, подвергавшихся критике со стороны Запада (например, Ираном, Венесуэлой и Суданом).

Данные постулаты подтверждены и в отчётном докладе XVII съезду КПК (ноябрь 2007 г.), декларирующем уважение со стороны Китая права народов на самостоятельный выбор собственного пути развития, невмешательство во внутренние дела других стран, отказ от навязывания им своей воли. Что касается международного уровня, то здесь долгосрочные задачи укрепления «мягкой власти» Китая, по мысли Ли Цзе, должны заключаться в развитии следующих процессов.

1. Уникальные элементы китайской культуры следует нацелить на расширение взаимопонимания и обменов между Китаем и другими странами.
2. Идеи мирного развития должны стать средством убеждения широкой международной общественности, способным быть противовесом набору тех предубеждений и враждебности, которые Запад культивирует в отношении китайской идеологии.
3. Идеи мира, гармонии и взаимной выгоды должны постоянно обогащаться, наполняясь современным содержанием. Следует пропагандировать современные идеи, которые являются квинтэссенцией китайской культуры (мирное развитие, стратегия открытости).
4. Мягкую власть Китая реализовывать, используя наиболее объективные подходы. Необходимо честно говорить о тех проблемах, которые на самом деле волнуют международное сообщество: негативные последствия экономического роста в Китае, расширение диалога по вопросам энергетической безопасности, защита окружающей среды.
5. Следует уделять повышенное внимание неправительственным (в том числе человеческим) ресурсам мягкой власти. Все граждане Китая должны помнить, что они представляют на международной арене не только себя, но и свою страну⁷.

Одновременно Китай во всё большей степени расширяет своё присутствие в многосторонних режимах поддержания существующего международного порядка. Так, в 1977—1997 гг. число межправительственных международных организаций, в которых принимал участие Китай, увеличилось с 21 до 52, в то время как неправительственных — с 71 до 1163.

Наиболее явным воплощением данной тенденции становится усиление роли Китая в деятельности ООН. Пекин присоединяется к диалогу по ряду существенных гуманитарных проблем, ранее рассматриваемым исключительно как внутреннее дело суверенных государств (например, права человека). Активизируется процесс участия вооружённых сил КНР в миротворческих операциях ООН, в том числе в регионах, не имеющих прямого приоритетного значения для КНР. В отношении Гаити решение об участии в мероприятиях по поддержанию мира принималось, несмотря на наличие

официальных дипломатических отношений данного государства с Тайванем. В 2006—2008 гг. Пекин поддерживал предложенные американцами жёсткие варианты резолюций Совбеза по КНДР, Ирану и Мьянме. Кроме того, на постоянную основу переводится участие Китая в деятельности «Большой восьмёрки» в формате 8+4 (Китай, Индия, Бразилия и ЮАР). Пекин также становится одним из ключевых звеньев в формировании современных режимов нераспространения (шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, многосторонний диалог с участием постоянных членов СБ ООН и Германии по иранскому досье), где он действует в активной координации со своими главными геополитическими конкурентами (США, Япония).

Активная роль Китая отмечается и в ведущих глобальных и региональных экономических организациях. В рамках ВТО КНР продвигает в глобальном масштабе свои товары и факторы производства во многом благодаря умелому использованию противоречий между развитыми странами и «Группой 77». Усиливается влияние Пекина и на деятельность АТЭС.

На региональном уровне Китай не препятствует присутствию своих конкурентов в тех организациях и структурах, которые создаются по периметру его границ (ШОС, зона свободной торговли АСЕАН — Китай, СААРК). В настоящее время рассматривается вопрос о присоединении США к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА. На наш взгляд, не находят своего подтверждения сообщения СМИ о «китайском следе» в инициативе ШОС по поводу целесообразности присутствия американских войск в Центральной Азии после окончания активной фазы антитеррористической операции в Афганистане (Астанинский саммит 2005 г.). Более того, китайские учёные говорят о возможных перспективах сотрудничества с США в регионе «на платформе ШОС» (особые отношения обеих стран с Пакистаном, инициатива США 2005 г. по экономической интеграции Центральной и Южной Азии).

Парируя многочисленные упреки американских сиологов в ревизионизме по отношению к существующим многосторонним режимам, Ян Цземьянь акцентирует внимание на запоздалом включении страны в современные процессы международных отношений. Китай стал поздно участвовать в деятельности международной системы, не знал её институтов и правил игры, вызывая подозрения, что он стремится играть не по правилам. Незнание препятствовало отстаиванию собственных национальных интересов. Кроме того, развитые страны часто исходили из собственного лексического права (*хуаюйцюань*), применяя двойные стандарты⁸.

Осторожность и подозрительность Китая в отношении многосторонних механизмов Сунь Жунь объясняется особенностями международного окружения, в котором он находился в течение длительного исторического времени, а также сложившимися представлениями о мультилатерализме. Китай долгое время был лишён права участвовать в работе ООН, что обедняет его опыт многосторонней дипломатии; традиционными являются взгляды, полагающие, что обеспечить национальную безопасность

можно лишь на основе развития собственных вооружённых сил; существуют подозрения по поводу превращения многосторонних структур в АТР в площадку для изоляции и противодействия Китаю; достаточно сильны опасения, что включение проблемы Тайваня в повестку дня таких структур нанесёт удар по суверенитету Китая⁹.

До настоящего времени наиболее ярким примером встраивания Китая в региональные интеграционные группировки остаётся Юго-Восточная Азия (ЮВА). Ещё в начале 1970-х гг. произошёл пересмотр внешней политики Китая в ЮВА в сторону сочетания открытого идеологического давления с более гибкими мерами. Так, была разработана «теория трёх миров», в первую группу стран включавшая сверхдержавы США и СССР, во вторую — промышленно развитые капиталистические и социалистические страны и в последнюю — освободившиеся страны (вне зависимости от вектора транзита), включая КНР.

Заметная активизация делового сотрудничества привела к установлению дипломатических отношений с Малайзией (май 1974 г.), Филиппинами (июнь 1975 г.) и Таиландом (июль 1975 г.). Во второй половине 1970-х гг. Таиланд и КНР уже активно сотрудничали в деле поддержки антиправительственных сил в Кампучии.

В начале 1970-х гг. возникли и стали оформляться нейтралистские тенденции у стран региона, объединившихся в АСЕАН. Их инициатором выступила Малайзия. В сентябре 1970 г. на конференции Движения неприсоединения в Лусаке премьер-министр Малайзии Тун Абдул Разак выдвинул идею превращения Юго-Восточной Азии в зону нейтралитета и мира. В период активизации «дипломатии хунвэйбинов», а также продолжавшегося конфликта между Северным и Южным Вьетнамом, данное предложение предусматривало укрепление собственной оборонной мощи государствами региона, понимая под нейтрализмом, скорее, дистанцирование от крупных внерегиональных держав — СССР, США и Китая.

Не высказался против идеи нейтрализма Китай, так как она была совместима с отстаиваемой им концепцией противодействия гегемонии. Кроме того, КНР пыталась интерпретировать тезис о невмешательстве, столь важный для АСЕАН, как если бы он подразумевал невмешательство только СССР и США — неазиатских держав, но не самого Китая. Однако большинство стран региона в тот период относилось к КНР не менее настороженно, чем к Соединённым Штатам и Советскому Союзу.

В китайских политических кругах хорошо понимали, что с урегулированием кампучийской проблемы недоверие к КНР, опасения по поводу её целей могут вновь выйти на поверхность. В этой связи Китай удвоил усилия по достижению взаимопонимания со странами АСЕАН, созданию прочного фундамента для отношений с ними на перспективу.

Политическое потепление в отношениях между Китаем и ЮВА в тот период не привело к существенной интенсификации внутрирегиональных интеграционных процессов. Большинство стран Восточной Азии преследовали цели проведения экспортноориентированной индустриализации,

их внешнеэкономическая политика была направлена в большей степени на глобальный, чем на региональный уровень. Такие классические «новые индустриальные страны первого эшелона», как Республика Корея и Сингапур, искали рынки для своего растущего экспорта вне региона, прежде всего в Западной Европе и США.

К началу 1990-х гг. теория «трёх миров» полностью утратила свою идеологическую окрашенность. Понятие «третий мир» стало применяться китайскими политиками как синоним термина «развивающиеся страны» без акцентирования внимания на их колониальном или подчинённом положении в прошлом. Кроме того, важным постулатом теории «трёх миров» явилось утверждение, что группы стран одновременно находятся в состоянии как взаимозависимости, так и противоречий, что вполне соответствовало духу доминирующей в высших эшелонах власти КНР концепции многополярности (*доцзихуа*).

В течение 1990-х гг. усилилась региональная интеграция. С окончанием холодной войны были сняты политические барьеры. Китай и Вьетнам стали полноправными партнёрами в экономическом сотрудничестве. Начался поиск многосторонних защитных механизмов в ответ на создание таких экономических объединений, как ЕС и НАФТА, а также с целью минимизации внутренних экономических рисков, связанных с глобальными изменениями экономического равновесия.

Идея «нового» регионализма АСЕАН заключалась в том, чтобы включить Китай в структуры многостороннего сотрудничества в пределах более крупного географического региона, но сделать это так, чтобы сдерживать процессы изменяющегося глобального экономического равновесия. Определённый импульс для формирования региональной идентичности дал азиатский финансовый кризис 1997—1999 гг., а также солидарные меры по устранению его последствий. Страны АСЕАН в 1997 г. столкнулись с ситуацией резкого обесценивания национальных валют, что привело к панике среди иностранных инвесторов. Пострадали практически все региональные валюты, потеряв от 20 до 60% стоимости, а индонезийская денежная единица обесценилась в четыре раза.

Региональные процессы развивались на фоне доминирующих в ЮВА мнений о том, что Запад если не спровоцировал кризис, то оставил страны Восточной Азии без какой-либо поддержки в устранении его последствий. Как указывали многие экономисты стран ЮВА, западные страны переоценили масштабы охвативших регион финансовых проблем и начали поспешно и демонстративно выводить свои капиталы. В то же время МВФ допустил серьёзные ошибки в определении причин кризиса и мер по устранению его последствий, что привело к принятию непродуманных решений в самом регионе¹⁰.

На этом фоне совершенно по-иному воспринимались обещания Пекина не девальвировать свою национальную валюту. По мнению Г. Брувера и Ю. Вана, именно понимание объективного характера процесса превращения КНР в экономическую сверхдержаву и осознание растущей

экономической взаимозависимости стран региона явились основными факторами выработки собственных решений внутри региона Восточной Азии¹¹.

Азиатский финансовый кризис и процесс устранения его последствий способствовал институционализации механизмов сотрудничества между государствами Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Ещё в начале 90-х гг. премьер-министр Малайзии М. Махатхир в противовес австралийско-американской концепции АТЭС выдвигал проект группировки под названием «Восточно-азиатское экономическое совещание» без участия эксрегиональных держав. На саммите АСЕАН в 1995 г. в официальные документы было включено предложение о развитии многоуровневой системы диалога с соседними азиатскими державами, через год состоялись саммиты с руководителями Китая, Японии и РК, а в 1997 г. в Куала-Лумпуре — первый неформальный саммит в формате «АСЕАН+3». Его главным итогом явилось соглашение между Китаем и странами АСЕАН «О партнёрстве, доверии и добрососедских отношениях в XXI в.». Характерной особенностью саммита стало признание участниками того факта, что одностороннее отстаивание принципа национального суверенитета и отказ от региональной интеграции могут привести к резкой утрате суверенитета и повышению риска дезинтеграции в гораздо большей степени, чем сами опасности интеграции.

На саммите руководителей тринадцати государств Восточной Азии, состоявшемся в 1999 г. в Маниле, было принято совместное заявление, предусматривавшее углубление сотрудничества в сфере региональной безопасности, экономики, финансов, развития человеческих ресурсов, науки и техники¹².

В мае 2000 г. министры финансов стран «АСЕАН+3» официально одобрили «Инициативу Чианг Май», предполагавшую создание в регионе механизмов, дополняющих чрезвычайные займы МВФ и Всемирного банка в целях предотвращения финансовых кризисов. Главным подобным механизмом стало расширение практики соглашений между странами Восточной Азии. Суть их в том, что страна, испытывающая временные трудности с международной ликвидностью, может обменять национальную валюту на доллары США с обязательством выкупить свою валюту в согласованное время в будущем. Эти операции осуществляют центральные банки стран на основе двусторонних соглашений.

В ноябре 2000 г. в рамках встречи «АСЕАН+3» в Сингапуре была подтверждена инициатива, согласованная в Чианг Мае. Кроме того, китайский премьер-министр Чжу Жунци внёс предложение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между АСЕАН и Китаем.

ЗСТ АСЕАН традиционно являлась одним из основных направлений внутрирегиональной экономической интеграции. О её создании впервые было объявлено на 4-м саммите АСЕАН в Сингапуре (1992). Первоначально в неё вошли шесть стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней). В 1996 г. к ЗСТ АСЕАН присоединился Вьетнам, в 1998 г. — Лаос и Мьянма, а в 1999 г. — Камбоджа.

Члены ассоциации, создавая ЗСТ, ставили цель активизировать торговлю внутри АСЕАН товарами и услугами, расширить и диверсифицировать субрегиональный товарооборот и в условиях роста взаимной торговли повысить конкурентоспособность экономик своих стран. ЗСТ была также призвана способствовать политической консолидации стран региона, подключению к экономическому сотрудничеству менее развитых стран ЮВА. О росте доли внутрирегиональной торговли между государствами Восточной Азии в последние десятилетия XX в. говорят следующие данные¹³.

1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.
33,6%	36,2%	41,6%	50,1%	50,1%	50,8%

Главным инструментом реализации идеи создания ЗСТ стало Соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе (СЕПТ), подписанное странами АСЕАН на саммите в Сингапуре в 1992 г. СЕПТ развивает основные положения Соглашения о преференциальной торговле АСЕАН 1977 г.

Согласно принятой схеме СЕПТ все товары подразделяются на четыре категории. К первой относятся товары, уровень тарифов на которые подлежит сокращению в соответствии с ускоренным или обычным графиком. Эта группа товаров составляет 88% всей товарной номенклатуры стран АСЕАН и постоянно расширяется. Две другие категории товаров включены в списки изъятий, причём в одну категорию входят товары, представляющие важность для обеспечения интересов национальной безопасности, защиты общественной морали, жизни и здоровья людей, флоры и фауны, а также художественные, исторические и археологические ценности. Другая часть изъятий включает в себя товары, снижение тарифов на которые страны АСЕАН считают по внутриэкономическим соображениям временно невозможным, однако предусматривается постепенное сокращение числа этих товаров. Четвёртую категорию составляет сельскохозяйственное сырьё, первоначально полностью исключённое из схемы СЕПТ. В 1995 г. были определены особые условия снижения тарифов на различные группы этих товаров.

В АСЕАН существует дифференцированный подход к срокам, в течение которых будут снижены или отменены тарифы для различных стран. СЕПТ первоначально предполагало сокращение к 2003 г. подавляющего числа действующих во внутрирегиональной торговле национальных импортных тарифов до 0—5%. С учётом новых реалий, в частности приёма новых членов в состав АСЕАН, эти сроки неоднократно менялись.

Во время саммита в декабре 1998 г. было принято решение, чтобы наиболее экономически развитые страны — Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд — к 2000 г. сократили ставки импортных тарифов до уровня 0—5% на 90% своей товарной номенклатуры. К 2002 г. ставка импортной пошлины, составляющая 0—5%, распространится на всю продукцию, охватываемую Соглашением. Для членов так называемой

группы CLMV (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам) сохраняется неопределённость в отношении целого ряда товарных групп, прежде всего сельскохозяйственной продукции.

На седьмом саммите АСЕАН в Брунее (ноябрь 2001 г.) было принято решение ускорить переход к ЗСТ — сроки её образования были перенесены с 2003 на 2002 год. Таким образом, с 1 января 2002 г. «шестёрка» ведущих стран АСЕАН — Таиланд, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Бруней — приступила к формированию ЗСТ, предусматривающей снижение большинства тарифов во взаимной торговле до уровня 0—5%. Кроме того, достигнута договорённость о применении Интеграционной системы преференций АСЕАН. В соответствии с ней «старые» члены АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) должны расширить тарифные льготы для «новых» участников Ассоциации (Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы). В ходе данного саммита лидеры Китая и АСЕАН решили начать переговоры по созданию Зоны свободной торговли с участием КНР.

Активизация экономического сотрудничества между государствами Северо-Восточной Азии (СВА) происходила на фоне резких подъёмов и спадов в политических отношениях. В 90-е гг. XX в. произошло значительное улучшение в отношениях между Китаем, Японией и РК. Ещё в 1992 г. состоялось взаимное дипломатическое признание между Пекином и Сеулом. В октябре 1998 г. премьер-министром Японии Кейдзо Обути и президентом РК Ким Дэ Чжунгом была подписана декларация о партнёрстве в XXI в. Через месяц состоялся первый в истории визит главы КНР Цзян Цзэминя в Токио.

К началу XXI в. в связи с резким расширением геополитических и геоэкономических габаритов Китая перед странами региона встала проблема не столько втягивания его в региональные структуры, сколько формулирования своего ответа на те или иные решения Пекина. Кроме того, этот период был отмечен ухудшением отношений между Китаем и Японией, а также Японией и РК. Споры по поводу посещений японским премьером Дзюнитиро Коидзуми токийского храма Ясукуни, содержания японских учебников по истории, принадлежности островов Дяюйдэо (Сэнкаку) и Токдо (Такэсима), а также другие обострившиеся политические проблемы в значительной степени усложняли атмосферу для серьёзных торгово-экономических переговоров. Так, в частности, председатель КНР Ху Цзиньтао отказался встречаться с Дз. Коидзуми на саммите АТЭС в Пусане в сентябре 2005 г. и в рамках диалога руководителей «Большой восьмёрки» с лидерами развивающихся стран в Сретне в июле 2006 г. Кроме того, из-за обструкции Ху Цзиньтао и президента РК Но Му Хёна не состоялась и их традиционная встреча с японским премьером в ходе первого Восточноазиатского саммита в Куала-Лумпуре в декабре 2005 г.

Политическая атмосфера китайско-японских отношений нормализовалась лишь после ухода Коидзуми с поста премьер-министра Японии¹⁴. В ок-

тябре 2006 г. состоялся так называемый «визит, разбивший лёд» (*по бин-чжи люй*), японского премьера С. Абэ в Пекин, а в апреле следующего года — ответный «визит, растопивший лёд» (*жун бин-чжи люй*), премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Японию.

Значительной диверсификации подверглась амплитуда движения государств Северо-Восточной Азии к формированию ЗСТ в АТР. В конце ноября 2004 г. АСЕАН и КНР подписали рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement, CEPA*)¹⁵, одна лишь пилотная часть которого (*Early Harvest Program*) предусматривала введение нулевой пошлины на номенклатуру более чем 500 наименований товаров с 2005 г. Данное соглашение об отношениях со старыми членами АСЕАН вступает в силу с 2010 г., а со странами группы CLMV — с 2015 г. Кроме того, в январе 2007 г. были успешно завершены переговоры о либерализации торговли. В результате объём товарооборота между Китаем и АСЕАН в 2007 г. вышел на уровень в 190 млрд. дол. США, а в 2008 г. (по оценкам) должен превысить 200 млрд. дол.

Южная Корея первоначально применяла многоаспектный подход. С одной стороны, Сеул охотно шёл на формирование зон свободной торговли с теми странами и организациями, экспорт которых не угрожал сельскому хозяйству (Чили, Сингапур, Европейская ассоциация свободной торговли). Кроме того, были предприняты усилия по достижению подобных соглашений с отдельными странами АТР, например с Канадой. На этом фоне гораздо меньший прогресс был достигнут на восточноазиатском направлении. В 2004 г. неудачей завершились начавшиеся за год до этого переговоры о создании Зоны свободной торговли с Японией. Не удалось добиться существенных успехов и на переговорах с Пекином. Особенно желательным являлось заключение соглашения о свободной торговле с Китаем в связи с действующими в этой стране высокими импортными пошлинами на продукцию южнокорейских фирм, однако Пекин требовал либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией, что существенным образом подорвало бы позиции национального аграрного сектора. К подписанному в августе 2006 г. соглашению о свободной торговле с АСЕАН (AKFTA) отказался присоединиться Таиланд, посчитавший себя ущемлённым в вопросе экспорта сельхозпродукции. Лишь в январе 2008 г. Бангкок и Сеул успешно завершили продолжавшиеся больше года переговоры о присоединении к документу Таиланда. В этих условиях был взят курс на интенсификацию переговорного процесса с США, который завершился подписанием 1 апреля 2007 г. соглашения о создании совместной зоны свободной торговли (*KORUS FTA, хан-ми чаю муюк хюпчун*)¹⁶.

28 марта 2008 г. соглашение с АСЕАН о торговле и инвестициях подписала и Япония, в соответствии с которым в течение десяти лет Токио вводит нулевой импортный тариф на 93% номенклатуры товаров, импортируемых из ЮВА, а шестёрка прежних членов АСЕАН — на 90% номенклатуры японского экспорта.

Многосторонние процессы, охватившие регион Восточной Азии, ведущую роль в которых начинает играть Китай, не остались незамеченными в США. С начала XXI в. китайское направление становится одним из основных во внешней политике Америки. Приход к власти в США республиканской администрации первоначально крайне негативно сказался на американо-китайских отношениях. Во-первых, основной кандидат на пост президента Дж. Буш, выступая 19 ноября 1999 г. в Библиотеке им. Р. Рейгана, заявил: «Китай — это соперник (*competitor*), а не стратегический партнёр. Мы должны относиться к нему без злой воли, но и без иллюзий»¹⁷. Во-вторых, отношения осложнил инцидент с американским разведывательным самолётом EP-3, произошедший через два месяца после инаугурации нового президента США. Вместе с тем лидеры двух стран стремились не допустить слишком сильного раскручивания спирали напряжённости. В ходе саммита Шанхайской Организации сотрудничества, состоявшегося в июне 2001 г., Цзян Цзэминь обратился с просьбой к Президенту России В.В. Путину передать устное послание Дж. Бушу, с которым российский лидер должен был встретиться в Любляне.

В свою очередь 30 июля 2001 г. на пресс-конференции в посольстве США в Канберре госсекретарь К. Пауэлл и министр обороны Д. Рамсфелд заявили о том, что не будут использовать термин «стратегический соперник» для характеристики Китая. Позднее родилась выдвинутая К. Пауэллом формула «3 С», определявшая содержание американо-китайских отношений (*candid, constructive, cooperative*). После событий 11 сентября 2001 г. руководство КНР поддержало антитеррористическую кампанию, проводимую США. В послании председателя КНР Цзян Цзэминя, направленном президенту США ночью 11 сентября, говорилось об осуждении действий террористов и желании расширить диалог и сотрудничество с США и международным сообществом в борьбе против терроризма.

В 2005 г. американской стороной была предложена новая фундаментальная концепция развития двусторонних отношений. Выступая 21 сентября на заседании Комитета по американо-китайским отношениям, заместитель госсекретаря США Р. Золик предложил строить американскую стратегию в отношении Китая на основе побуждения последнего к тому, чтобы стать «ответственным заинтересованным участником» в системе международных отношений (*responsible stakeholder in international system*)¹⁸. По его мнению, Китай заинтересован в существующей системе, которая позволяет ему добиваться значительных успехов на пути к тому, чтобы стать великой державой.

В своём выступлении Р. Золик подробно изложил причины, по которым США не должны применять в отношении Китая стратегию изоляции (*fencing*), подобную той, которая была в отношении СССР. По его мнению, современный Китай отличается от бывшего СССР по следующим параметрам.

- 1) Китай не стремится распространять в мире антиамериканскую идеологию;

- 2) не являясь демократической страной, Китай в то же время не демонстрирует стремления к потенциальному конфликту с демократическими странами;
- 3) исповедуя меркантилизм, Китай не готов к жёсткой борьбе с капитализмом;
- 4) в Китае доминирует убеждение, что его будущее связано с сохранением нынешней системы международных отношений¹⁹.

С таким подходом согласен и преемник Р. Золика на посту заместителя госсекретаря Дж. Негропонте, объясняющий появление концепции *responsible stakeholder* слишком высокой ценой, которую придётся заплатить в том случае, если инструменты сотрудничества с державой таких геополитических габаритов, как Китай, будут разрушены²⁰.

К активизации политики на китайском направлении призывает и авторитетный американский эксперт З. Бжезинский, являющийся внешнеполитическим советником наиболее вероятного кандидата на пост президента США от демократической партии Б. Обама. Предлагая всемерно стимулировать мирные акценты во внешней политике Китая, а также подвергая критике нынешнюю американскую администрацию за отказ привлекать Пекин к деятельности «Большой восьмёрки», он отмечает: «В предстоящие годы Китай станет либо ключевым игроком в более справедливой глобальной системе (что сближает З. Бжезинского в ещё большей степени, чем Р. Золика, с китайской концепцией «справедливого и разумного международного порядка». — О.Т.), либо главной угрозой стабильности этой системы из-за внутреннего кризиса или какого-либо внешнего вызова. Исходя из этого, Соединённые Штаты должны поощрять возрастающее участие Китая в различных международных институтах и предприятиях»²¹.

Многие китайские исследователи склоняются к той точке зрения, что поступательное развитие двусторонних вопросов неизбежно внесёт в повестку проблему развития отношений стратегического партнёрства. При этом одни учёные полагают, что США и Китай в 1970—1980-е гг. уже переживали подобный этап, основой которого было противостояние «советскому экспансионизму», а другие считают, что стратегическое партнёрство не обязательно предполагает наличие военной составляющей и направленности против третьей стороны, учитывая намерения сторон развивать сотрудничество на долгосрочной основе, соблюдая взаимные интересы и решая все разногласия путём консультаций. Ян Цземьянь усматривает явную тенденцию к эволюции взаимодействия в области безопасности между США и Китаем: от двустороннего взаимодействия к многостороннему, от взаимодействия в области безопасности, угроз низкого уровня (экологические и санитарно-эпидемиологические проблемы) к взаимодействию в области «высокой» безопасности (борьба с терроризмом, нераспространение ОМУ), от решения отдельных проблем к институционализации сотрудничества²².

Суть крайне популярной в последние годы концепции мирного возвышения (*хэпин цзюэци*) заключается в том, что в отличие от растущих держав

XIX—XX вв. Китай в своём развитии зависит и во всё большей степени будет зависеть от внешнего мира, получая выгоды от сотрудничества с международной системой. Одновременно с этим развитие Китая приносит выгоду самой системе, что также снижает вероятность конфронтации.

В США наиболее успешным примером сотрудничества с Китаем в решении региональных проблем в Восточной Азии традиционно считаются шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. В значительной степени отличаются друг от друга оценки китайских и американских политологов по поводу характера влияния Пекина на поддержание многостороннего диалога. Китайские учёные выделяют посредническую роль КНР в процессе переговоров, интерпретируя эту роль как элемент проявления «мягкой силы» в сфере дипломатии²³. Исследователи из США отмечают вынужденный характер китайского посредничества (страх перед крахом режима Ким Чен Ира и распространением ядерных амбиций на Японию и РК)²⁴, стремление Пекина решить проблему по так называемому «украинскому» сценарию (предоставив Пхеньяну гарантии безопасности в случае отказа от обладания ядерным оружием)²⁵, высокую степень экономической зависимости КНДР от Китая²⁶, а также постепенное ужесточение позиции КНР в отношении Северной Кореи по мере эскалации кризиса²⁷.

Успехи, достигнутые в решении проблемы денуклеаризации Корейского полуострова в начале 2007 г., позволяют некоторым американским политологам говорить о возможности распространения опыта СБСЕ/ОБСЕ на восточноазиатскую почву. По мнению одного из крупнейших американских специалистов по ядерному разоружению Дж. Гудби, подобный сценарий обусловлен следующими факторами.

1. Хельсинские договорённости были достигнуты, несмотря на различия в мотивациях и интересах ведущих стран-участников.
2. Политически обязательное соглашение не было облачено в форму договора, однако оно оказывало существенное влияние на ситуацию в Евро-Атлантическом регионе в течение трёх десятилетий.
3. Хельсинский процесс не требовал организационной поддержки в период с 1975 по 1990 г.
4. Договорённости охватывали сферы, которые входили как в компетенцию правительств, так и гражданского общества.
5. Договорённости касались военного доверия и таких сфер, как экономика и гуманитарные измерения безопасности²⁸.

Разумеется, трудно представить, что такие страны, как КНДР, согласятся обсуждать проблемы, подобные содержанию «третьей хельсинкской корзины» (обеспечение гуманитарных прав граждан), однако в случае даже частичной реализации данного предложения Китай неизбежно стал бы главным партнёром по диалогу с США и их союзниками.

В качестве другой перспективной сферы регионального сотрудничества двух стран в последнее время всё чаще рассматривается ситуация в Мьянме. В США понимают, что санкции, инициированные странами Запада,

не принесли успеха. С другой стороны, и политика «конструктивного вовлечения» (*constructive engagement*), декларируемая официальными органами АСЕАН, также не представляется надёжным инструментом для оказания позитивного давления на Мьянму²⁹. Единственной региональной державой, способной эффективно влиять на бирманский режим, является Китай, особенно если такое влияние будет координироваться с США и другими западными странами. На состоявшейся в 2004 г. конференции, организованной Атлантическим советом США и Китайской академией современных международных отношений, научный сотрудник Института национальных стратегических исследований Э. Фрост высказала предположение, что Пекин может оказывать влияние на молодых бирманских офицеров и военных среднего звена, приглашая их в Китай для участия в диалоге о современной военно-стратегической ситуации в регионе. Вашингтону в этом случае следует сконцентрироваться на выстраивании связей с религиозными и этнокультурными группами, а также с потенциальными лидерами гражданского общества, действуя в формате «народной (people-to-people) дипломатии»³⁰. Что же касается бонуса китайской стороны, заинтересованной в прямых маршрутах транспортировки нефти, то западные аналитики предлагают включить КНР в консенсусные схемы обеспечения доступа к энергоресурсам, подобные тем, которые действуют между США, Японией, Австралией и Новой Зеландией³¹. Кроме того, ещё одной сферой, где, как полагают в США, могло бы развернуться выгодное для КНР сотрудничество на бирманском направлении, является сотрудничество с США в деле ликвидации наркотрафика через китайско-бирманскую границу³².

Итак, можно констатировать, что Китай в последнее время стал одним из лидеров интеграционных процессов в Восточной Азии, в определённой степени связывая оба фланговых субрегиона — СВА и ЮВА. Объективный характер данной тенденции признаётся как ведущими региональными акторами, так и США. Методы, с помощью которых пекинские дипломаты добиваются своих целей, сочетают активную интеграционную политику в экономической сфере, а также мягкие формы распространения своего влияния. Такой подход в целом не вызывает протеста и в Соединённых Штатах, стремящихся выстраивать общие механизмы поиска решений в наиболее критических для себя сферах.

---

¹ Рыжов И. В. Проблемы регионального лидерства в мировой политике: к постановке вопроса // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го конвента Российской ассоциации междунар. отношений* / под ред. А. Ю. Мельвиля. Т. 6: Новые тенденции в мировой политике / под ред. В. С. Ягья, В. С. Денисенко. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 100—101.

² Основоположителем концепции мягкой силы (*soft power*), разработанной в начале 90-х гг., является известный американский политолог Дж. Най. Он предложил противопоставлять основанной на военной и экономической мощи государства «жесткой силе» (*hard power*) мягкое, опосредованное влияние, с помощью

- которого страна привлекает других своей культурой, идеями и целями. Если жёсткая сила находит своё воплощение в принуждении или подкупе, посредством которых одно государство добивается нужного ему поведения другого государства, то мягкая сила реализуется через механизмы формирования у партнёра нужных желаний и предпочтений. По выражению автора концепции мягкой власти, она обеспечивает «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» (см.: Дж. Най. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск, 2006. С. 30).
- ³ Ян Цземьянь. Чжунго дуй жаунь шили-дэ таньсо: цзовэй гунгун чаньпинь-дэ гоцзи тиси гуань (Поиски мягкой моши Китая: международная система как со-конститут) // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 48. С. 9.
  - ⁴ Xintian Yu. Combining Research on Cultural Theory and International Relations // International System in Changing and Shaping, ed. by Jiemian Yang. Shanghai: SIPS, 2006. P. 66.
  - ⁵ Юй Синьтянь. Жуань лилян цзяньшэ юй Чжунго дуйвай чжаньлюэ (Строительство мягкой силы и внешняя стратегия Китая) // Гоцзи вэньти луньтань». 2007. № 48. С. 16.
  - ⁶ Насильственной внутренней трансформации страны в направлении демократического транзита по образу «бархатных революций» в странах Восточной Европы или студенческого продемократического движения (*минь юнь*) в Китае весны—лета 1989 г.
  - ⁷ Li Jie. Soft Power Building and China's Peaceful Development // China International Studies. 2006. № 5. P. 176—178.
  - ⁸ Ян Цземьянь. Чжун-мэй индуй гоцзи тиси чжуаньсин-дэ чжаньлюэ хэ цзюйцо (Стратегия и действия Китая и США в ответ на изменение международной системы) // Гоцзи вэньти луньтань. 2006. № 45. С. 46; Чжуаньсинци гоцзи тиси-дэ таньсо хэ цянъчжань — Ян Цземьянь хэ Цзиоухань-дэ дуйхуа цзиши (Анализ и перспективы международной системы в переходный период: запись беседы Ян Цземьяня и Р. Кохэна) // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 46. С. 8.
  - ⁹ Сунь Жу. Я-тай добянь аньцюань хэцзо юй чжун-мэй гуаньси: чжиду-дэ шицзяо // Чжун-мэй чжаньлюэ гуаньси синьлунь (Новые исследования китайско-американских отношений). Пекин, 2005. С. 197.
  - ¹⁰ См.: Shaun Narine. Economic Security and Regional Cooperation in the Asia-Pacific: Evaluating the Economics-Security Nexus // Reassessing Security Cooperation in the Asia-Pacific: Competition, Congruence, and Transformation / ed. by Amitav Acharya and Evelyn Goh. Cambridge: MIT Press, 2007. P. 197.
  - ¹¹ Gordon de Brouwer and Yunjong Wang. Policy Dialogue, Surveillance and Financial Cooperation in East Asia // Financial Governance in East Asia / ed. by Gordon de Brouwer and Yunjong Wang. London: RoutledgeCurzon, 2004. P. 1.
  - ¹² Chu Shulong. The ASEAN Plus Three Process and East Asian Security Cooperation // Reassessing Security... P. 156.
  - ¹³ См. также: <http://www.mof.gov.jp/english/others/ots022c.pdf>
  - ¹⁴ Развёрнутую аргументацию официальной позиции руководства КНР по игнорированию Коидзуми привёл директор Института Японии Китайской академии современных международных отношений Ян Боцзян в своём выступлении в Центре политических исследований СВА Института Брукингса 15 февраля 2006 г. (см.: Yang Bojiang. Sino-Japanese Relations: 2006 and Beyond. Washington: Brookings Institution, 2006. P. 9.
  - ¹⁵ В отличие от классических соглашений о свободной торговле, предусматривающих лишь снижение таможенных пошлин, включает в себя также такие меры, как либерализация внешней торговли, открытие рынка услуг и капитала, признание гарантий интеллектуальной собственности, либерализация перемещения основных средств производства, взаимное признание патентов, активизация сотруд-

- ничества в правовой сфере, координация антимонопольной политики, введение единых стандартов товарной и санитарной инспекции.
- ¹⁶ http://www.ustr.gov/assets/Document_Library/Fact_Sheets/2007/asset_upload_file563_11035.pdf?ht=
- ¹⁷ <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/wspeech.htm>
- ¹⁸ Существуют и иные варианты перевода термина stakeholder — «держатель акций миропорядка» (см.: И. Зевелев, М. Троицкий. Россия и Китай в зеркале американской политики // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 35).
- ¹⁹ <http://www.state.gov/s/d/rem/53682.htm>
- ²⁰ The Future of Political, Economic, and Security Relations with China. Hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, May 1, 2007. Washington: U.S. Government Printing Office, 2007. P. 31.
- ²¹ Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента: кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. С. 213.
- ²² Ян Цземьянь. Шилунь чжун-мэй цзунхэ гоцзя аньцюань худун гуаньси (Об отношениях китайско-американского взаимодействия в сфере совокупной государственной безопасности) // Мэйго вэньти яньцзю. 2005. № 4. С. 136.
- ²³ Pang Zhongying. China's Soft Power. Washington: Brookings Institution, 2007. P. 7.
- ²⁴ Andrew Scobell. China and North Korea: Limits of Influence // Current History. September 2003. P. 275.
- ²⁵ John S. Park. Inside Multilateralism: The Six-Party Talks // Washington Quarterly. 2005. No. 4. P. 84—85.
- ²⁶ Ted G. Carpenter. A Hedging Strategy Is Needed Toward North Korea // Korean Journal of Defense Analysis. 2004. No. 1. P. 13.
- ²⁷ Gilbert Rozman. The North Korean Nuclear Crisis and U.S. Strategy in Northeast Asia // Asian Survey. 2007. No. 4. P. 615.
- ²⁸ James E. Goodby. The Emerging Architecture for Security and Cooperation in Northeast Asia // Issues and Insights. 2008. No. 3. P. 6.
- ²⁹ В 2004—2005 гг. на Мьянму было оказано мощнейшее международное давление как со стороны стран Запада, так и членов АСЕАН с тем, чтобы она отказалась от полагавшегося ей по правилам алфавитной ротации поста председателя АСЕАН в 2006 г. Причиной послужило то, что правящая хунта не проводила обещанных демократических реформ и нарушала права человека. На конференции АСЕАН в июле 2005 г. Мьянма под усилившимся давлением отказалась от председательства.
- ³⁰ Ellen L. Frost. Preventing State Failure: Steps Toward Closer Cooperation Between China and the United States. A Paper Presented at the U.S.—China Conference on Areas of Instability and Emerging Threats. Beijing: CICIR, 2004. P. 5—6.
- ³¹ Martha C. Harris. The Globalization of Energy Markets // The Global Century: Globalization and National Security / ed. by Richard L. Kugler and Ellen L. Frost. Vol. 2. Washington: National Defense University, 2001. P. 278.
- ³² Wayne Bert. Burma, China and the U.S.A. // Pacific Affairs. 2004. № 2. P. 278.

SUMMARY: Dr. Timofeev's article "Models of integration in East Asia: China's Influence and the U.S. Attitude" examines the process of multilateral integration in both subcontinents of the region: SEA and NEA. Author figures out the most substantial trends and features with following sections: forming of regional integrity, increasing of China's role in regional multilateral structures, development of U.S.—China relations and changes of the U.S. attitude toward cooperation with China on solving problems of East Asia, namely denuclearization of Korean Peninsula and engagement of Burma/Myanmar regime.